

Автор предупреждает, что все герои этого произведения являются вымышленными, а сходство с реальными лицами и событиями может оказаться лишь случайным.

Пролог

У археологов был праздник. Они чуть ли не хороводы водили вокруг раскопа. Начальник экспедиции, пожилой мужчина с окладистой бородой, украдкой вытер глаза. На них выступили слезы радости. Он не зря прожил жизнь. Ради этого момента стоило столько лет фактически ползать на животе по местам схронов старых русских разбойников. У мужчины с окладистой бородой была идея фикс: найти схрон Васьки Тулупова, прославленного сибирского разбойника восемнадцатого века. Васька не только на Руси орудовал, но и в Китай заглядывал со своей бандой смельчаков и, как говорили, привез оттуда две уникальные фигурки Будды — Будду Зеленоглазого и Будду Красноглазого. Они, во-первых, представляли ценность сами по себе, поскольку были изготовлены из чистого золота с изумрудами или рубинами. Высота каждой — где-то сантиметров пятнадцать, вес — по килограмму. Во-вторых, они представляли ценность для археологов как предметы искусства времен императоров из династии Мин, правившей в 1368—1644 годах. По легенде, эти фигурки были изготовлены для основателя династии Чжу Юаньчжана, который взошел на трон в результате свержения монгольской династии Юань. В-третьих, они имели священное значение для китайцев и после свержения династии Мин были спрятаны в монастыре.

Один раз в год монахи выносили их за пределы своей обители, отправлялись к священному источнику, в котором омывали фигурки и омывались сами.

Про это каким-то образом прознал Васька Тулушов, правда, Будды ему счастья не принесли. Не прошло и трех месяцев после его возвращения из Китая, как он где-то сгинул. Никто точно не мог сказать, где именно и от чьей руки он пал. Его шайка быстро распалась. Кто-то женился и остепенился, кто-то подался в другие края. Археолог с окладистой бородой происходил от одного из разбойников, который до конца жизни отмаливал грех убийства монахов, за пару месяцев до смерти принял монашеский постриг и завещал потомкам схрон Васькин найти и украденное вернуть истинным владельцам.

В роду археолога были и православные священники, и монахи, и все отмаливали грех прародителя. Копали в местах возможного схрона, но до сих пор ничего не находили. Правда, ходили слухи, что клад заколдован и Васька на самом деле был колдуном, поэтому ему до поры до времени так и везло. Говорили, что и после завершения дел на Земле разбойник отправился к своему истинному Хозяину и покровителю, который ему всегда помогал. Вообще про Ваську и его молодцов ходило много слухов, как при жизни, так и после смерти.

Мужчина с окладистой бородой профессионально занялся археологией и нашел то, что искало несколько поколений его предков. В схроне было много других богатств — монеты, драгоценные камни и ювелирные украшения, но его интересовали только два Будды. Теперь он сидел в палатке и смотрел на фигурки, стоявшие перед ним на складном столике. Казалось, они подмигивали ему зелеными и красными глазами.

Тем временем от группы археологов отделились

два человека. На них не обратили внимания. Люди пили вино и праздновали. К тому же местность, не освещенная пламенем костров, была погружена во мрак.

Они удалились в разные стороны от раскопа, потом, не стовариваясь, почти в одно время достали мобильные телефоны.

— Нашли, — сказал один, когда вызываемый абонент ответил.

— Возвращайся на место, — приказали ему, — и будь начеку. Мы выезжаем.

— Нашли, — сообщил второй.

— Давай на место встречи, как договаривались, — приказали ему. — Наши тебя подберут на обратном пути.

...Когда друзья и коллеги археолога с окладистой бородой забеспокоились из-за отсутствия связи с лагерем и несколько друзей отправились выяснить, что случилось, то нашли только пепелище и обугленные трупы. Никаких сокровищ рядом не оказалось.

Глава 1

— Интересно, а сегодня еще кого-нибудь убьют? — зачехляя камеру, спросил оператор усталым голосом.

Я пожала плечами и предложила заехать куда-нибудь пообедать. Мы оба страшно проголодались, и нас сегодня просто достали знакомые и родственники, беспокоящиеся о наших желудках. Возможно, если бы не несколько звонков мне на мобильный, мы бы просто наскоро перекусили в «Макдоналдсе».

Вначале позвонила мама и напомнила, чтобы я не забыла поздравить троюродную тетку, единственную мою родственницу в Питере, за исключением родителей, с днем рождения. Потом мама, как обычно, спросила, что я сегодня ела. Это у нее дежурный вопрос. У меня не было сил придумывать разносолы, которыми я ее обычно успокаиваю, после того, как мы с Пашкой сняли сюжеты о бытовухе с тремя трупами, ДТП с двумя и неудачном взрыве — неудачном для заказчиков убийства, так как потенциальная жертва осталась жива и даже не ранена, если не считать пары царапин. Мама начала воспитательную речь. Я обещала обязательно сегодня пообедать.

Потом позвонила соседка Татьяна. Она для меня как старшая сестра и лучшая подруга, несмотря на некоторую разницу в возрасте. Татьяна тоже активно беспокоится о моем питании, а поскольку видит меня

гораздо чаще, чем мама, — мы с Татьяной проживаем на одной лестничной площадке, а с мамой довольно далеко друг от друга, — то точно знает, что утром я не ем вообще, а днем... Если по каким-то причинам я заезжаю домой, то Татьяна в меня что-то впихивает. Если не заезжаю, то соседка уверена на девяносто девять процентов, что я осталась голодная. Татьяна интересовалась взрывом — какой-то приятель потенциальной жертвы оказался также и Татьяниным знакомым (Питер — город маленький), а о происшествии уже сообщили по радио. Татьянин знакомый знал, что я — ее соседка, работаю криминальным обозревателем и обычно появляюсь в нашем городе на местах всех громких заказных убийств и их попыток, поэтому просил выяснить детали. Я поведала, что смогла. Татьяна тоже напонила, чтобы мы с Пашкой не забыли пообедать.

Потом прорезалась наша главная, в смысле — редактор. Викторию Семеновну также страшно волнует состояние наших с Пашкой желудков, и из любви к нам, и из других соображений — сюжеты-то в эфир давать надо, а я еще выдаю на-гора статьи в еженедельник «Невские новости».

— Так, что отсняли? — спросила главная.

Я отчиталась.

— Для вечернего эфира более чем достаточно. Давайте-ка, друзья мои, сходите куда-нибудь нормально пожрать. Мне сегодня некогда было вам бутерброды готовить. Смонтировать все десять раз успеем. Давайте, давайте, мне сотрудники с язвой не нужны.

Пашка сказал, что хочет нормально попить пива — из стеклянной кружки, под хорошую закуску. Я кивнула, правда, пиво для меня исключалось, так как я постоянно за рулем и вожу того же Пашку с драгоценной

камерой, но тоже вдруг почувствовала, что после такого количества трупов мне страшно хочется есть.

Я припарковалась у небольшого рестораника в Московском районе, неподалеку от которого как раз и пытались взорвать бизнесмена — владельца и генерального директора (в одном лице) небольшой авиакомпании «Петроаэро». Господин Травушкин владел двумя не очень новыми «Ту-154», двумя «Ан-24» и пятью вертолетами. В «Петроаэро» по большей части используются вертолеты — практически каждый день, самолеты регулярных рейсов не выполняют. Так он заявил оперативникам после покушения. Как я поняла, его не пускают в небо, которое занято другими, более мощными авиакомпаниями. Однако хватает работы и на чартерных рейсах, особенно если владельцы авиакомпании не задают лишних вопросов владельцам грузов.

Но раз господина Травушкина пытались взорвать, значит, кому-то он мешает. А раз авиакомпания существует уже двенадцатый год, начав с одних вертолетов, и вроде бы прекращать свое существование не собирается, несмотря на отсутствие регулярных рейсов, значит, на услуги авиакомпании есть немалый спрос.

Я задала себе вопрос: у кого бы я сама стала фрахтовать самолет (или вертолет), если бы мне требовалось перевезти незаконный груз или такой, который мне просто не хочется никому показывать? Ответ напрашивался сам собой: в маленькой авиакомпании, владельцев и сотрудников которой интересуют только деньги. Наши крупные компании, известные всем, именем дорожат. Там не очень-то скроешь левые грузы. И платить надо больше. Так что покушение на Травушкина вполне может быть связано с характером груза, который он перевозил.

Но разбираться с причинами покушения не мне. Для этого есть органы, хотя им предстоит нелегкая работа. Травушкин на месте происшествия изображал контуженого, правда, в больницу ехать отказался и тут же направился в свой офис. Ребята из управления притворились, что поверили в «контузию», но сразу занялись тщательнейшей проверкой деятельности «Петроаэро». Мне обещали вечером сообщить новости и приглашали в управление. Обязательно заеду. Тем более после покушения знакомый опер Андрюша, у которого я регулярно получаю фактуру для статей, в частной беседе заявил, что, по его мнению, убить Травушкина и не пытались. Только припугнуть. Другие сотрудники считали, что Травушкину просто повезло. Не знаю. Подождем развития событий.

Мы с Пашкой остановились у небольшого ресторанчика, который мне уже давно рекомендовала одна знакомая. По ее словам, кухня хорошая, недорого, и посетители сидят в нишах, то есть на тебя не будет пялиться весь зал, что для меня является важным моментом из-за регулярного появления на телеэкране в «Криминальной хронике».

Мы вошли, оглядели полупустой зал и проследовали в уголок за столик для двоих, причем в самую затененную нишу. Основная масса деловых людей уже пообедала, а для вечерних посетителей было еще рано.

— Какая скатерть длинная, — заметил Пашка. — Хорошо прятаться.

— Угу, — кивнула я. — Если стрелять вдруг начнут.

— И мы с тобой должны поместиться под столом, — заметил Пашка.

— А в случае чего камеру сможешь высунуть? — спросила я.

— Сейчас попробуем.

И Пашка полез под стол.

Тут как раз подошла официантка с меню. Девушка в зале была одна, больше мы никого из обслуживающего персонала не видели.

— Все в порядке? — спросила она с опаской, потом узнала меня. — А-а, это вы? Впервые к нам?

Я кивнула. Пашка выбрался из-под стола и сказал, что из-под него очень даже удобно снимать.

— Это у нас профессиональное, — пояснила я девушке.

— Да-да, конечно, я все понимаю, — кивнула она, странно на нас поглядывая. — Вы у нас — первые люди с телевидения.

Наверное, она хотела добавить, что поэтому и непривычна к нашим выходкам, но промолчала. Возможно, надеялась, что мы будем и последними, если у «людей с телевидения» принято первым делом проверять обстановку под столом.

Девушка оставила нам меню и карту вин. Я решила съесть салат с языком и котлету по-киевски. Пашка выбрал борщ и свинину и, конечно, любимое пиво. Кроме нашей, были заняты две ниши. Посетители не обратили на нас никакого внимания. Когда мы уже заканчивали горячее, в зал вошли двое мужчин.

Я порадовалась, что мы сидим в самом затененном месте. Одним из новых посетителей оказался не взорванный сегодня господин Травушкин, второго типа я видела впервые. Он был значительно старше владельца авиакомпании.

После того как я стала заниматься криминальной темой и неоднократно делала репортажи из следственных изоляторов и колоний, а также общалась с людьми, побывавшими в местах не столь отдаленных, я научилась по виду распознавать людей, которые в этих са-

мых местах побывали. Конечно, определить удастся не всегда, но у некоторых словно печать стоит на лбу. У этого она стояла. А если еще взглянуть на то, как он взял сигарету, когда опустился за столик...

— Снять их? — шепотом спросил Пашка.

— Давай под стол, — так же шепотом ответила я.

Пашка не заставил просить себя дважды и нырнул. Я же с невозмутимым видом доедала котлету по-киевски, на господ даже не смотрела, словно они меня не интересуют. Куда пристроим пленку, я пока не думала. Если пойдет в эфир — текст потом наговорю, если ребятам в управление... Ну, тогда это уже их дело. Надо оказывать сотрудникам органов посильные услуги, они потом расплачиваются фактурой — и приглашением на трупы. А это — моя работа.

Подошла девушка-официантка.

— Тарелки можно забирать?

— Да, спасибо. Теперь будьте добры мне чаю и еще одно пиво мужчине. Только маленькое.

— Большое, — сказал из-под стола Пашка.

— Несите маленькое, а там видно будет.

— Юля... — попытался возразить Пашка, но тут я уголком глаза увидела какое-то шевеление у входа, и мне показалось, что блеснул металл...

Жизнь научила меня реагировать мгновенно, да и количество увиденных за годы работы трупов внушало мысль, что лучше показаться дурой и остаться в живых, чем умной гнить на кладбище.

Я сиганула к Пашке.

Как я поняла в дальнейшем, девушка стала поворачиваться к входу с пустыми тарелками в руках.

— Вы... — начала произносить она, но больше ничего сказать не успела.

В зале прогрехотали автоматные очереди.

* * *

Я сидела, как мышь, и даже попыталась забраться под деревянное сиденье, встроенное в нишу. С моим маленьким ростом это частично удалось, с Пашкиным получалось не очень, но он все равно старался. Камера продолжала работать. Геройский все-таки у меня оператор.

Перед столом рухнула девушка, разбились тарелки. Со своего места под столом я видела ее откинутую в сторону руку с колечком на среднем пальце... Рука не двигалась.

— Все! Уходим! — прозвучал незнакомый голос.

Послышался топот. Оружие на пол не падало. Хлопнула дверь.

От наступившей тишины закладывало уши. Потом где-то в зале раздался стон...

— Юлька! — прошептал Пашка.

— Эту кассету вынь и вставь новую. А эту дай мне.

Пашка беспрекословно выполнил команду.

— Мы не снимали само нападение, — сказала я.

— Само собой, — ответил он. — Жить-то хочется.

Я убрала кассету в свою сумку, Пашка уже вылезал из-под стола с камерой, в которую вставил чистую кассету и снимал место преступления, то есть работал, как и должен оператор криминальной хроники. Я звонила в управление знакомым ребятам, потом в «ноль-два», «ноль-три», еще Виктории Семеновне с кратким отчетом.

— Видишь, как продуктивно пообедали, — цинично сказала главная. — Почаще надо по ресторанам ходить, а тебе все некогда. Ты только до вечера в управлении не засиживайся. Помни про эфир.

Во время моего последнего разговора из подсобного помещения ресторана показался бледный мужчина

лет сорока в белом халате. Видимо, повар. Следом, держась за него, на дрожащих ногах шла женщина лет пятидесяти. Оба безумными взглядами обвели зал, очумело посмотрели на нас с Пашкой. Я уже болтала в камеру — делала репортаж с места событий. Мужчина с женщиной привалились к стеночке. Женщина то и дело повторяла: «Ой, мамочки!»

В этот момент в зал вбежали люди в белых халатах. На моей памяти это был первый случай, когда «Скорая» приехала на место быстрее милиции.

— Вы уже здесь? — бросил мне молоденький фельдшер, который нисколько не удивился нам с Пашкой. — Раненые где?

Я показала пальцем в угол, откуда слышала стоны. В занятой Травушкиным и его спутником нише медицинская помощь, по-моему, уже не требовалась.

К счастью, к моменту стрельбы одна пара посетителей уже успела уйти. Занятыми оставались три ниши: мы с Пашкой, Травушкин со спутником и еще двое, которых в эти минуты как раз загружали на носилки медики. Официантке помощь было оказывать поздно.

Я подскочила к носилкам.

— Жить будут? — спросила у медиков.

— Наверное, да, — пожал плечами молоденький фельдшер. — Похоже, стреляли не в этих. В них так, припугнуть. По ногам. Сами посмотрите.

В этот момент в ресторанный зал ворвались лица, вызванные по «ноль-два», через минуту прибыл знакомый опер Андрюша с коллегами из управления, потом приехал следователь Сан Саныч, судмедэксперт и все остальные лица, которые обычно появляются в местах заказных убийств.

— Как я посмотрю, мы тем же составом, только в новом месте, — хмыкнул Сан Саныч.

— Все те же лица, только новые трупы, — хохотнул судмедэксперт, обычный Пашкин собутыльник. — Паш, чего тут из выпивки дают?

— Пиво неплохое, — сообщил оператор. — Даже не разбавленное.

— Да, утром мы Юлю вызывали, а сейчас она нас, — заметил опер Андрюша. — Взаимовыгодное сотрудничество у нас с прессой.

Я сказала, что в любом случае собиралась звонить в управление после обеда или даже заехать лично — сообщить про Травушкина.

— А ведь почти сразу пристрелили его, даже на другой день не перенесли, — заметил еще один сотрудник управления. — Кому-то он очень здорово мешал. И его требовалось убрать именно сегодня.

— Юлия Владиславовна, вы что, следили за Травушкиным? — спросил меня следователь Сан Саныч.

Я покачала головой. Сан Саныч вопросительно приподнял брови: явно не верил, он со мной не первый день знаком. Андрюша, пожалуй, тоже не верил, что мы тут с Пашкой оказались случайно.

— Честное пионерское, — сказала я. — Просто заехали с Пашкой пообедать. В кои-то веки. Травушкин приехал позже. Кстати, а кто это с ним?

При втором мужчине не было никаких документов, правда, как выяснилось чуть позже, когда тело обнаружили в соответствующем заведении, его «паспортом» вполне мог считаться послужной список, изображенный на теле синими узорами. Знающему человеку подобные рисунки способны рассказать многое. Воровские татуировки — это одновременно и паспорт, и досье. Вот только фамилия и имя нигде не значились, но

даже и без них с такой росписью не так уж сложно выяснить данные, указанные в общегражданском паспорте.

Мы с Пашкой смогли в ресторане заснять только «жука-скарабея» (при нас убитого, естественно, не раздевали) — один из старейших воровских оберегов. Судмедэксперт объявил, что убитому была сделана пластическая операция, и продемонстрировал всем едва заметные швы.

— Так, и пальцы обработаны, — заявил он. — Конечно, может, что-то и осталось хоть на одном...

— Если сами быстро не опознаем, — шепотом сказал мне Андрюша, — то попросим тебя обратиться к Ивану Захаровичу.

Иван Захарович Сухоруков по кличке Сизо, получившейся в результате сложения первых букв фамилии, имени и отчества, к которым прибавилась еще одна для комплекта, — это крестный папа. Молодость он частично провел в Сибири (по принуждению) и за свою жизнь успел приложить многочисленные таланты в различных сферах. И чем только не занимался... Начинал с металлолома, торговал заморскими курами, машинами, наркотиками, пытался пролезть в депутаты Госдумы, заимел свой банк.

Я не знаю точно, сколько ему лет, но он однозначно годится мне в отцы. В последние годы он стал много сентиментален или, скорее, тщеславен.

Меня с Иваном Захаровичем жизнь сталкивала неоднократно. Наши пути впервые пересеклись, когда мой любимый мужчина замахнулся на деньги Сухорукова. Потом Иван Захарович, которому регулярно хочется развлечься (все у него есть, денег хватит на несколько поколений, поэтому его периодически одолевает скука), решил, что я способна его скуку

развеивать. Да и следить за мной нужно, чтобы не выкинула какой-нибудь фортель, не влезла куда не надо, а освещала, что требуется Ивану Захаровичу. Поэтому он объявил меня своим пресс-атташе и время от времени, как и органы, подкидывает мне фактуру для статей и репортажей. Обычно он также вызывает нас с Пашкой снимать все свои инициативы — захотелось ему остаться в памяти народной на века, вот он и избирает из себя этакое Савву Морозова на современный лад. Правда, народу его инициативы нравятся.

Нас с Пашкой допросили для протокола. Я как раз поинтересовалась, выяснили ли ребята из управления что-то о Травушкине и его бизнесе.

— Теперь мы с этой авиакомпанией не слезем, — прошипел Сан Саныч.

— Но хоть что-то?

— По документам они едва сводили концы с концами, но у Травушкина три квартиры в Петербурге, одна в Москве, коттедж в Ленинградской области, еще один в Сочи, четыре машины... Правда, основная масса добра записана на родственников.

— Это вы сегодня уже успели выяснить? — удивилась я.

— Коллеги помогли, — усмехнулся Сан Саныч. — Травушкиным уже многие инстанции интересовались, только никак за задницу взять не могли. Главбухом в «Петроазро» — его жена, один из менеджеров — брат жены, также работают старший сын, два племянника, муж сестры, то ли двоюродный, то ли троюродный дядька... В общем, семейное предприятие. Или родственники, или друзья, или друзья родственников.

— А кто он по специальности? — поинтересовалась я. Эту информацию мне обещали дать вечером, но смогли уже сейчас.

— Летчик. Но в последние годы не летал, хотя двое коллег из того же экипажа, несмотря на возраст, продолжают. И сын с племянником летают, только на вертолетах. Нам предстоит выяснять куда. И зачем. И с чем.

Вскоре работа на месте преступления была закончена, трупы увезли, показания с тех, кто мог их дать, сняли, и все отправились прочь, оставив позади разрушенный ресторан.

Мы с Пашкой смогли только сказать, что стрелявших было двое. То, что мы быстро сиганули под стол, никого в следственной бригаде не удивило. Странно было то, что киллеры не бросили оружие.

Год 1995-й

Два брата, два сибирских мужика с самого детства мечтали об охотничьем домике в тайге. Эту мечту передал им их отец. Родились они в простой панельной хрущобе и в тайгу выезжали с отцом только летом, ставили палатку, охотились, рыбачили. Это были самые счастливые месяцы их жизни. Сидя вечерами у костра, они мечтали. Они представляли этот домик, баньку на берегу реки, хорошие ружья... Они верили.

Возможность осуществить мечту представилась через много лет. Отец уже умер. Один брат оказался на «хлебной» чиновничьей должности и обзавелся деньгами и связями, другой имел в распоряжении бесплатную рабочую силу.

Никаких разрешений на строительство они получать не стали. Они вообще хотели ставить в известность как можно меньшее количество людей. Это будет их заповедник, их личная воплотившаяся мечта.

Воплощению мечты очень помогло назначение младшего брата самым главным начальником над большим контингентом бесплатной рабочей силы.

За два года до описываемых событий

Он проснулся в незнакомой комнате с совершенно незнакомой девушкой. Девушка была длинной и тощей.

«Как я мог лечь с ней в постель?» — стало первой мыслью. Ведь он всегда любил крупных, дородных женщин. Ему требовалось т е л о, настоящее мягкое тело, чтобы в него можно было уткнуться, чтобы можно было припасть к пышной груди, как младенцу... У этой же груди почти отсутствовала. Вешалка для одежды, а не баба.

Голова гудела, он совершенно не помнил ничего из вчерашнего. «И где же я вчера так нажрался?» — было второй мыслью.

И с чего ему нажираться? В последнее время жизнь-то вроде бы налаживаться начала, впервые за его пятьдесят с хвостиком. Они с любимой женщиной, которая оставалась ему верна все годы и ждала его из всех острогов, жили душа в душу, занимались вместе бизнесом, растили любимую внучку... Дочка... Да, дочка перебралась в другой город, потому что там жил ее любимый, женатый мужчина. Мать ее ругала, но он понимал: любовь... Тем более мужчину он знал, и тот вызывал у него уважение. Подумаешь, не одна семья, но всех своих баб любит, всем помогает, хотя он и сам готов содержать дочь.

Так зачем ему было снимать какую-то тощую девку?! — Эй! — тронул он ее за плечо и тут же отдернул руку. Плечо оказалось ледяным.

В первый момент он ничего не понял, потому что в глазах был туман. Похоже, что в крови у него не только спиртное...

Он приложил немалые усилия, чтобы сфокусироваться. Да, вот оно, маленькое круглое отверстие в виске, слегка прикрытое чуть опаленными волосами.

Внезапно тишину разрезал вой милицейской сирены. Чего еще следовало ожидать?

Он в любом случае не успевал уйти. Он лежал в кровати голый, одежда была раскидана по всей комнате. А вон и пистолет валяется... Несомненно, с его отпечатками пальцев. Пожалуй, он успеет их вытереть. Хоть это успеет. Он вытер и притворился спящим. Пьяным. Пусть выбивают дверь.

Глава 2

В вечернем эфире «Криминальной хроники» времени на бытовуху и ДТП не осталось. Я рассказывала народу о «неудачном» взрыве и «удачной» стрельбе в ресторане. О том, что мы с оператором находились во время стрельбы в ресторане, конечно, не сказала. Официантка там была одна, и она погибла. Повар с посудомойкой нас в зале во время обеда не видели. Приятель Андрюша тоже заметил, что нам с Пашкой не нужно привлекать внимание к этому факту. Потом его фразу практически слово в слово повторил Сан Саныч.

Вечером мы с Пашкой прямо с работы поехали в управление, чтобы получить побольше информации о Травушкине. Виктория Семеновна также дала нам задание завтра попытаться проникнуть в офис авиакомпании и заснять интервью с кем удастся. Дадим если не в «Криминальной хронике», то в «Новостях».

В управлении Андрюша сообщил нам, что «Петроаэро» очень часто нанимали для доставки на гастроли различных артистов с многочисленным багажом. Они перевозили звезд эстрады с аппаратурой и обслуживающим персоналом, циркачей (правда, без зверей), небольшие балетные труппы. Подобных заказов

было много, о «Петроаэро» знали, им доверяли, и часть салонов «Ту-154» была специально переоборудована для перевозки громоздких предметов. Пассажиры обычно размещали сразу же за кабиной летчиков, в конце салона ставили декорации, всякие коробки и прочее. Они там как-то крепились, и никто еще ни разу не жаловался на поврежденный багаж. За такие перевозки «Петроаэро» брало меньше, чем крупные авиакомпании — и все были довольны.

«Ан-24» и вертолеты по большей части нанимали «новые русские» для самых разнообразных целей: то в гости к корешу на вертолете слетать в соседний поселок (это круто), то на рыбалку на какой-то остров, то просто перед любимой девушкой выпендриться. Небольшие самолеты также использовались для перевозки грузов разнообразными юридическими лицами. Компания бралась фактически за любой груз — только бы влезал в салон.

Пока сотрудники органов не нашли никакого явного криминала. Конечно, за большинство полетов расплачивались наличкой, и она не учитывалась, но это не входило в сферу интересов моих приятелей, предоставляющих мне фактуру по заказным и прочим убийствам. Конечно, заказные убийства по большей части связаны с экономическими интересами, но ни Сан Саныч, ни Андрей, ни их коллеги не собирались расследовать неуплату налогов компанией «Петроаэро». Им требовалось найти заказчика убийства и исполнителей.

На завтра опер Андрюша любезно пригласил нас с Пашкой составить ему компанию во время посещения офиса «Петроаэро», в особенности если я заберу его на машине из дома. Мы договорились встретиться в де-

сять утра, и мы с Пашкой покинули здание управления.

— Едем смотреть кассету? — спросил Пашка, как только мы вдвоем оказались у меня в машине.

— Естественно, — ответила я. — Сгораю от любопытства.

— К тебе? Ко мне?

— Ко мне, конечно. Татьяна тоже хочет все знать. И она, может, взглянет свежим взглядом...

— И поесть, наверное, что-то сготовила... — мечтательно сказал Пашка.

* * *

Татьяна в самом деле сготовила и даже перенесла голубцы ко мне в квартиру. У нее есть ключи, и она во время моего долгого отсутствия кормит моего кота. Брать кота к себе Татьяна не может — у нее в квартире живут шестьсот змей, разведением которых она зарабатывает себе на жизнь. Кот на змей реагирует болезненно.

— Ну?! — спросила соседка, наполняя наши с Пашкой тарелки. — Мне уже мой знакомый телефон оборвал. Что случилось на самом деле?

Мы рассказали, потом поставили кассету.

Убийцы были в черных масках с прорезями, черных кожаных плащах и джинсах. Судя по манере двигаться, мужики спортивные. Возможно, недавно из Чечни, где приобрели нужные навыки. На пленке был также записан голос одного из них.

— Это явно только исполнители, — сказала я. — И найти их вряд ли удастся. Если только случайно.

— Но пленочку мне все равно лучше положить в один из террариумов, — заметила Татьяна.

У нее в террариумах много тайничков, которыми мы регулярно пользуемся — для хранения денег и ценностей. Какой вор полезет к ядовитой змее? И какой вор может определить, какие змеи ядовитые, а какие нет?

Потом я поинтересовалась у Татьяны, что за человек беспокоился о здоровье Травушкина. Какие у них общие дела?

Оказалось, что приятель зафрахтовал самолет «Петроаэро» для полета в Голландию группы наших геев и лесбиянок на какую-то очередную розово-голубую тусовку, которые часто устраиваются в стране тюльпанов.

— Это кто такой? — спросила я у Татьяны. — Что-то я среди твоих знакомых никаких геев не встречала.

— Да он сам — нормальный мужик, только директор турфирмы, а эта кодла к нему обратилась. Не в первый раз. Он и раньше пользовался услугами Травушкина. Я сама через его турфирму езжу. Правда, самолетами «Петроаэро» никогда не летала.

— Так если договор заключен с «Петроаэро»... — начала я.

— Юля, не смей меня! — воскликнула Татьяна. — Договор заключался лично с Травушкиным. Ты, кстати, когда туда собираешься?

Я сказала, что завтра с утра. Татьяна от имени приятеля попросила прощупать почву. Время еще есть, чтобы зафрахтовать самолет другой авиакомпании. Но приятеля интересовало, стоит ли отказываться от услуг этой. Собираются ли органы наложить арест на имущество? Собираются ли родственники делить имущество? Кто займет место Травушкина? В общем меня просили узнать все, что только удастся, и по возможности дать ответ на вопрос «что делать?», как и обычно

на Руси. Кто виноват, директора турфирмы несколько не заинтересовало.

Пашка остался у меня в гостиной на диванчике, чтобы мне завтра не вставать раньше (это для меня очень большая проблема).

Год 1995-й

Один из братьев-мечтателей, имевший в своем распоряжении бесплатную рабочую силу, просматривал личные дела потенциальных кандидатов на выполнение строительных работ. Он был практичнее брата-чиновника и понимал, что эти люди не должны вернуться «в мир». Поэтому следовало подобрать тех, у кого не было близких. Ему не нужны были проблемы. Ему не требовались расследования. Он не хотел видеть в своей вотчине никакие комиссии.

Он отобрал одиннадцать человек. Еще требовалась охрана, которая иногда сможет подсобить, и главный охранник, он же прораб. На эту должность у него имелся верный прапор, всегда правильно понимавший ситуацию. И заместитель у прапора будет один очень хитрый сержант, точно знающий, с какой стороны его кусок хлеба намазан маслом. Эти двое и работу организуют, и за порядком проследят. А там видно будет...

За два года до описываемых событий

Ему удалось изображать в стельку пьяного, а потом, вроде бы чуть протрезвев, он стал требовать экспертизу. Он кричал, что его подставили, опоили и, возможно, чем-то накололи.

Но кровь вовремя не взяли, а когда все-таки взяли, то

остатки введенного препарата уже вышли из организма. Экспертиза ничего не дала.

Он говорил, что не мог выбрать тощую и длинную деву. Ему такие вообще не нужны, даже если сами приплатят.

Но судебная машина крутилась.

Он признавал, что он — вор и оттрубил свое от звонка до звонка, но он не убийца! Он никогда никого не убивал.

Но механизм был запущен и необратим.

Его хотели упрятать за решетку и упрятали.

Наверное, конкуренты считали, что без него легко справятся с Анной, но не тут-то было... Он гордился любимой женщиной. Настоящая бой-баба!

Глава 3

Утром, как и обычно, я встала с трудом. Если бы не вопли голодного кота, у которого от звука будильника начинает выделяться желудочный сок, то, наверное, спала бы дальше. Я приняла прохладный душ, потом растолкала Пашку, на которого вопли не действовали — у него нет чувства ответственности перед животным, да и животное точно знает, в чье ухо следует орать, чтобы получить пайку.

Мы собрались быстро, так как завтракал только кот, и понеслись за Андрюшей.

Офис «Петроаэро» располагался в Московском районе, примерно на равном расстоянии как от рестораника, так и от дома Травушкина.

— Второго не опознали еще? — спросила у приятеля.

Он покачал головой и протянул мне пару снимков крупным планом — татуировки на теле покойного.

Тигр, корона, крест, орлиные крылья, то есть основные воровские знаки.

— Иван Захарович должен знать, — заметил Андрей. — У них же все друг друга знают, если и не лично, то наслышаны.

— А в Крестах что, не спрашивали?

— Спрашивали, — хмыкнул Андрей. — Не гостил он там.

— То есть?! Значит, он не из наших, не питерских? — догадалась я.

— Похоже на то, — кивнул Андрюша.

— А пальчики? — подал голос Пашка с заднего сиденья, где сидел вместе с драгоценной камерой. — Теперь же у вас вроде компьютерная сеть.

Андрюша хмыкнул:

— База-то у нас есть, да только у мужика пальчики кислотой обработаны — или каким-то химикатом. Эксперт вчера правильно сказал. Ты что, не слышал? Ни одного узора не осталось! А так пока разошлем снимки по городам и весям... Сами знаете, как наша система работает. Тут вводи компьютеры — не вводи...

Понятно. Проще попросить знакомую журналистку обратиться к криминальному авторитету. Ивану Захаровичу, кстати, может быть интересно узнать о смерти этого типа.

— А если стреляли в него? — вдруг пришла мне в голову мысль. — Ну, в смысле не в Травушкина, а этого, с татуировками? А Травушкин пострадал заодно? И взрыв утром — это просто совпадение? Бывает же такое?

— В нашей жизни все бывает, — с тяжелым вздохом сказал Андрюша. — Ты не представляешь, как они мне все надоели со своими взрывами и стрельбой!

— Начальство, что ли, с утра ЦУ давало?

— Угу, — хмуро кивнул Андрюша. — Разбудил, сволочь. Но его тоже понять можно: шефу хвост накрутили, ну он и давай мне названивать. Юль, тошно!

— Может, к нам в холдинг пойдешь? — спросил Пашка с заднего сиденья.

— Кем?! Помощником вашей Виктории Семеновны?

— Мы ее, кстати, очень любим, — заметила я. — Она совершенно нормальная баба, хотя и лесбиянка. И хвосты она нам не накручивает. Требования у нее вполне разумные.

— Только, как я посмотрю, вы работаете с утра до утра, — хмыкнул Андрюша. — А чтобы вы, ребята, особо разбогатели, я как-то не заметил. Так, ладно, вон их офис. Припаркуйся тут где-нибудь, Юля.

В офисе нас приняли радушно. Я, признаться, не представляла, какой будет встреча — могло быть все, что угодно, вплоть до забрасывания гнилыми помидорами. Вдова Травушкина отсутствовала, остальные были на месте — в смысле сотрудники офиса. Ни летчиков, ни механиков, ни стюардесс мы не увидели.

Андрюша беседовал по очереди с родственниками убитого Травушкина, мы с Пашкой вначале с разрешения мужа сестры, который, похоже, теперь тут заправлял, засняли офис.

— Надо пользоваться любой рекламой, — сказал он. — Даже такой. Витю все равно не вернешь. А жизнь продолжается. Дело у нас семейное, и все хотят кушать.

— Никакие полеты не будут отменены? — уточнила я.

— Нет, все пойдет, как и запланировано.

Предупреждая мой вопрос, который вертелся у меня на языке, мужчина попросил меня, если кто-то будет ко мне обращаться, всех клиентов успокаивать, даже — если возможно — успокоить их по телевизору.

Потом он вручил свою визитку — мало ли лично мне понадобится самолет или вертолет, только просил обращаться заранее.

— А бывает так, что все ваши летающие машины задействованы?

— Часто, — удивился вопросу муж сестры Травушкина. — Мы ни от какой работы не отказываемся. И клиенты предпочитают нас, потому что мы летаем на отечественных машинах.

— Из чувства патриотизма?

— Нет, безопасности, — с самым серьезным видом ответил мужчина.

Я с большим интересом узнала от него, откуда в последнее время на просторах нашей страны взялось столько «Боингов» и других американских моделей. У наших граждан вошло в традицию отовариваться на зарубежных свалках. Из Европы к нам хлынули автомобили, холодильники и стиральные машины, потом наши предприимчивые граждане выяснили, что в США имеются подобные «свалки» самолетов. Там самолет списывают сразу же после того, как он отлетает положенное время.

Наши летчики перегоняют его в Россию, здесь его «подлатывают» — и вперед, в небо.

— Так что, Юлия Владиславовна, если вам вдруг придется куда-то лететь самолетом небольшой компании, обязательно поинтересуйтесь, какая машина выполняет рейс, — посоветовал мне сотрудник «Петро-аэро». — Я бы не рекомендовал садиться на иностранные. Они в с е давно выработали летный ресурс.

Я спросила про мужчину с татуировками, убитого вчера вместе с Травушкиным.

— Из милиции меня вчера уже задолбали этим вопросом, — ответил мужчина. — Понятия не имею, кто